ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ИНСАРСКАГО.

Изъ быта нашихъ помѣщиковъ

1840—1850.

Любителямъ историческаго чтенія давно извѣстны „Воспоминанія В. А. Инсарскаго“; довольно значительные и интересные отрывки изъ нихъ были помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“. Таковы статьи: „Поѣздка въ Баку“, „Кавказскія прогулки“, „Походъ 1859 г.“, „Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ“, „Учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ...“.

Записки В. А. Инсарскаго занимаютъ много тетрадей; авторъ писалъ ихъ отнюдь не для печати и безъ малѣйшихъ притязаній на какія-либо литературныя достоинства. Тѣмъ не менѣе, живость разсказа, полная искренность и обиліе чертъ и подробностей, характеризующихъ и лица, и время нашей недавней старины, составляютъ ихъ неотъемлемыя достоинства и даютъ имъ право, еще при жизни почтеннаго автора, занять мѣсто на страницахъ изданій, посвященныхъ изученію роднаго прошлаго. Къ сожалѣнію, Василій Антоновичъ не охотно предаетъ тисненію свои „Воспоминанія“, — и въ настоящемъ случаѣ, уступая лишь нашей просьбѣ, представляетъ только нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ, довольно обширныхъ, главъ; бо́льшую часть ихъ, и притомъ интереснѣйшую, онъ не считаетъ еще возможнымъ печатать. **Ред.**

I.

Покойный князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій (отецъ фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго) женатъ былъ два раза: въ первый разъ на дочери англійскаго лорда Шерборна и во второй — на графинѣ Маріи Ѳедоровнѣ Келлеръ. Послѣ отца

своего, знаменитаго князя Ивана Сергѣевича, и матери, рожденной принцессы Голштейнъ-Бекской, кн. Иванъ Ивановичъ наслѣдовалъ громадное и великолѣпное имѣніе въ Курской и Харьковской губерніяхъ.

Третью часть этого имѣнія, сколько извѣстно, онъ отдѣлилъ сестрѣ своей, княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ, вышедшей въ замужество за оберъ-гофмаршала графа Толстаго. Послѣдняя часть эта, подъ названіемъ: «Деревеньки», перешла сыну ея, извѣстному графу Александру Николаевичу Толстому, который, такимъ образомъ, приходился двоюроднымъ братомъ нынѣшнимъ князьямъ Барятинскимъ.

Я не знаю положительно, какія именно причины свели князя Ивана Ивановича Барятинскаго съ служебнаго поприща: любовь-ли къ красавицѣ-женѣ, на которой онъ женился во второй разъ, или какія-нибудь политическія столкновенія; но онъ оставилъ рано службу и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ и построилъ великолѣпный дворецъ, назвавъ его по имени жены: «Марьино». Дворецъ этотъ пользовался большою извѣстностію въ Россіи. И дѣйствительно, трудно представить себѣ изъ частныхъ владѣній что-нибудь болѣе роскошное и грандіозное. Я засталъ его уже далеко не въ прежнемъ великолѣпіи, когда никто изъ князей Барятинскихъ тамъ не жилъ и всѣ разнообразныя части хотя и поддерживались, но уже не такъ тщательно и отчетливо. Я не помню числа комнатъ въ этомъ дворцѣ, но помню, что онѣ считались сотнями. Въ этой массѣ покоевъ сосредоточено было все, что громадное богатство, соединенное съ утонченнымъ вкусомъ, могло придумать, начиная съ оригинальныхъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ живописи и скульптуры. При дворцѣ состояли сотни обойщиковъ, слесарей, каретниковъ, штукатуровъ, лѣпщиковъ, живописцевъ, позолотчиковъ, рѣщиковъ, столяровъ и т. п. мастеровъ, независимо отъ управителей, дворецкихъ, кастеляншъ и прочихъ чиновныхъ людей. Тамъ были лица, завѣдующія егермейстерскою частію; лица, завѣдующія рѣчною частію, т. е., лодками и всѣмъ, что сюда относится. Садовниковъ было бездна, потому что въ необъятномъ и роскошномъ паркѣ было множество оранжерей и другихъ садовыхъ затѣй. Тамъ былъ звѣринецъ со стадами оленей и козъ. Тамъ были поэтическія «Кашары», носящія имена дочерей князя, изъ которыхъ каждая имѣла

въ своемъ завѣдываніи отдѣльный роскошный садъ и среди его поэтическій домикъ, гдѣ находилось нѣсколько коровъ самой возвышенной породы и всѣ принадлежности молочнаго хозяйства.

И въ мое время село Ивановское, столица владѣній князей Барятинскихъ, съ церквами, училищами, больницами, богадѣльнями, фабриками, гдѣ было возведено и Марьино, было еще благодатнымъ центромъ для всей Курской губерніи. Каждый, кому нужно было заказать хорошій экипажъ, прочную мебель; кто, отдѣлывая домъ, имѣлъ надобность въ слесаряхъ, обойщикахъ, малярахъ и другихъ мастерахъ; каждый, кто желалъ украсить свои комнаты цѣнными деревьями или кому нужно было пріобрѣсти какого-нибудь теленка или барана возвышенной породы,—ѣхалъ въ Ивановское съ увѣренностію найти тамъ все желаемое.

Я чувствую, впрочемъ, что мои усилія изобразить роскошь и великолѣпіе Марьина не могутъ имѣть успѣха и потому спѣшу заключить ихъ слѣдующимъ фактомъ: когда, впослѣдствіи, при предварительныхъ соображеніяхъ о раздѣлѣ имѣній князей Барятинскихъ между братьями, предназначено было, собственно для поддержанія Марьино, отдѣлить 1,000 душъ со всѣми доходами и матеріальными средствами, то мѣра эта оказалась тотчасъ неудобоисполнимою и недостаточною, и надо было поддерживать его роскошное устройство всѣми средствами всего богатаго и обширнаго имѣнія. Наконецъ, Марьино знаменито тѣмъ, что удостоилось посѣщенія императора Александра Павловича.

Покойный князь И. И. Барятинскій былъ вообще человѣкъ замѣчательнаго ума и дарованій. Лично управляя имѣніемъ, онъ ввелъ въ немъ устройство, доходившее до совершенства и составившее ему славу знаменитаго агронома. Я самъ видѣлъ прекрасныя поля тамъ, гдѣ были болота, и лѣса—тамъ, гдѣ лѣсовъ прежде не было. Я самъ видѣлъ медали, полученныя имъ отъ разныхъ агрономическихъ обществъ за разныя сельско-хозяйственныя улучшенія, въ которыхъ осушеніе болотъ и вообще обращеніе мѣстъ безплодныхъ въ плодородныя занимали первое мѣсто. Отношенія крестьянъ къ владѣльцу установлены были на самыхъ разумныхъ началахъ, которыхъ дальнѣйшіе распорядители не дерзали касаться, не будучи въ состояніи придумать ничего лучшаго.

Имѣніе князей Барятинскихъ, въ административномъ отноше-

ніи, было раздѣлено на четыре удѣла: Ивановскій, Снаготскій, Крупецкій и Ковенскій. Каждый удѣлъ образованъ былъ изъ нѣсколькихъ селеній и деревень, въ центрѣ котораго находилось большое село, которое и давало названіе удѣлу. Каждымъ удѣломъ управлялъ особый частный управитель. Ивановскій управитель, кромѣ обязанностей частнаго управителя, былъ въ тоже время и главнымъ мѣстнымъ управителемъ на томъ основаніи, что Ивановское, какъ я сказалъ уже, было столицею имѣній, гдѣ и сосредоточивалось все центральное управленіе.

II.

Въ прекрасный лѣтній день я прибылъ въ Ивановское и проѣхалъ прямо на Марьино, гдѣ, по желанію князя Александра Ивановича, приготовлено было мнѣ великолѣпное помѣщеніе. Мнѣ, петербургскому чиновнику, вовсе не знакомому съ сельскимъ бытомъ, надо было имѣть не мало такта, чтобъ при первомъ столкновеніи съ этимъ бытомъ, съ толпами крестьянъ, ожидавшихъ меня, съ коварными управителями изъ дворовыхъ, съ корыстолюбивыми и низкопоклонными попами и причетниками и тому подобнымъ людомъ, найти точку, на которой можно было бы прилично удержаться и не пересолить, такъ сказать, въ ту или другую сторону. Но если я сильно смущался рѣшительнымъ незнаніемъ міра, въ которомъ я долженъ былъ вращаться, то въ тоже время я, по предыдущимъ опытамъ, крѣпко уже надѣялся на собственныя силы.

Сказавъ собравшимся предо мною толпамъ приличное слово, передавъ имъ поклонъ князя, я заключилъ объявленіемъ, что начну съ подробнаго обозрѣнія имѣнія и что порядокъ этого обозрѣнія будетъ сообщенъ заблаговременно всѣмъ управителямъ. Чрезъ нѣсколько дней я началъ это обозрѣніе, при которомъ особенно затрудняли меня два предмета: толпы народа, сосредоточенныя всегда на господскихъ гумнахъ и встрѣчавшія меня съ хлѣбомъ и солью,— толпы, съ которыми я не зналъ, что говорить, — и огромныя скирды разнородныхъ хлѣбовъ, которые я не умѣлъ различить. Но не слишкомъ вдаваясь въ хозяйственныя подробности, я заботился преимущественно о томъ, чтобы не сдѣлать или не сказать, на первыхъ же порахъ, какой-нибудь

достославной глупости, но произвести только выгодное впечатлѣніе своею личностію.

Окончивъ это первоначальное обозрѣніе, я углубился въ конторскія дѣла и счеты и былъ здѣсь въ болѣе знакомой сферѣ. Подобно тому, какъ было нѣкогда при поступленіи моемъ въ 3-й департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, я старался изучить исторически и во всѣхъ подробностяхъ каждую часть администраціи и хозяйства. Эти занятія не только не обременяли меня, но были главнымъ моимъ развлеченіемъ, потому что никакихъ другихъ развлеченій въ Ивановскомъ не было, а если бы они и были, то я не могъ бы ими пользоваться, получивъ извѣстіе о кончинѣ моей матери, долго страдавшей въ глубоко-болѣзненномъ положеніи. Къ великому счастію, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, почтенный отецъ Григорій, былъ большой любитель и знатокъ пѣнія и, образовавъ стройный хоръ, самъ управлялъ имъ. Такимъ образомъ, панихиды по моей матери, исправляемыя самымъ торжественнымъ образомъ, доставляли душѣ моей и утѣшеніе, и наслажденіе, а посѣщеніе церкви было почти единственною причиною оставленія моего кабинета.

Ознакомившись, посредствомъ конторскихъ книгъ и счетовъ, а равно и объясненій съ управителями, съ положеніемъ имѣнія, я почувствовалъ подъ собою почву и сдѣлалъ вторичное обозрѣніе имѣнія, при которомъ уже говорилъ и дѣйствовалъ болѣе самостоятельнымъ и увѣреннымъ образомъ. Я выше уже говорилъ, что административныя и хозяйственныя начала имѣнія представлялись самыми удовлетворительными, но въ примѣненіи и исполненіи этихъ началъ я не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ. Облеченіе этихъ началъ, существовавшихъ только въ преданіяхъ и привычкахъ, въ строгую систему и установленіе строгаго контроля за точнымъ исполненіемъ ихъ сдѣлалось предметомъ моихъ письменныхъ трудовъ. Затѣмъ на практикѣ, идя по слѣдамъ покойнаго князя, я старался увеличить, сколь можно, экономическія поля посредствомъ осушенія болотистыхъ мѣстъ, разчистки кустарниковъ и т. п. Въ тоже время, посредствомъ особо приглашенныхъ изъ Финляндіи землемѣровъ, я произвелъ хозяйственное измѣреніе земель имѣнія, причемъ произведена была новая нарѣзка полей съ наибольшими выгодами какъ для крестьянъ, такъ и для имѣнія; поселилъ много

новыхъ деревень, составивъ ихъ изъ наиболѣе многолюдныхъ селеній, съ цѣлью ближайшаго сопоставленія полей къ рабочимъ силамъ; ввелъ правильное лѣсное хозяйство; въ отношеніяхъ крестьянъ къ экономіи учредилъ какъ по части повинностей, такъ и по части внутренняго ихъ быта, строгую опредѣлительность, назначивъ, что̀ должна вѣдать экономія и что̀ подлежитъ вѣдѣнію самихъ крестьянскихъ обществъ,—однимъ словомъ, дѣлалъ и сдѣлалъ то, что мои умственныя силы и сознаніе принятаго мною долга мнѣ указывали.

Впрочемъ, хозяйственная дѣятельность у меня стояла далеко не на первомъ планѣ. Главною моею задачею, какъ и князь Александръ Ивановичъ находилъ, было устройство фамильныхъ его дѣлъ. На этомъ основаніи я постоянно жилъ въ С.-Петербургѣ, и только изрѣдка навѣщалъ имѣніе. Такъ точно, когда я пріѣхалъ туда въ первый разъ, я никакъ не разсчитывалъ оставаться тамъ долго и въ этомъ убѣжденіи рѣшился вовсе не заводить никакихъ знакомствъ съ сосѣдними помѣщиками. Но разсчетъ этотъ поколебался страшнымъ образомъ, и вотъ по какому случаю.

Въ имѣніи, именно въ селѣ Ивановскомъ, существовала большая больница, устроенная роскошнымъ образомъ. Высшее завѣдываніе этою больницею поручено было уѣздному врачу Вильчинскому, который получалъ за это отъ экономіи значительное жалованье и долженъ былъ, по существу своихъ обязанностей, являться ко мнѣ. Вильчинскій былъ замѣчательною личностью. Уроженецъ западныхъ губерній, онъ кончилъ курсъ въ виленскомъ университетѣ и потомъ попалъ въ уѣздные лекаря Льговскаго уѣзда, Курской губерніи, гдѣ было имѣніе графа Александра Николаевича Толстаго, о которомъ я говорилъ выше, и часть имѣній князей Барятинскихъ. У графа Толстаго была какая-то молодая и чахоточная родственница, или воспитанница, которая и пользовалась у молодаго врача. Какъ шло леченіе — не извѣстно, но эта дѣвушка влюбилась въ него, и кажется, сама и открылась въ любви. Вильчинскій женился на ней и взялъ въ приданое порядочное имѣніе. Жена скоро умерла, оставивъ ему ребенка; Вильчинскій зажилъ бариномъ. Жилъ онъ въ имѣніи Толстаго въ «Деревенькахъ», въ 20-ти верстахъ отъ Ивановскаго, гдѣ занималъ хорошенькій деревянный домикъ, прекрасно

устроенный и меблированный. Вильчинскій, большой хлѣбосолъ, былъ другъ и пріятель всѣхъ помѣщиковъ губерніи. Все это я узналъ впослѣдствіи, а въ началѣ моего пріѣзда я имѣлъ съ нимъ одни только дѣловыя отношенія.

Какъ-то разъ, предъ наступленіемъ Пасхи, Вильчинскій остался у меня обѣдать и, между прочимъ, замѣтилъ, что мнѣ должно быть скучно одному въ такомъ большомъ помѣщеніи. Я передалъ ему свой взглядъ на неудобство завязывать, при моемъ кратковременномъ пребываніи, туземныя знакомства.

— «Все это прекрасно», сказалъ Вильчинскій, «но я не понимаю, почему бы вамъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, не пріѣхать отобѣдать,—самая поѣздка доставила бы вамъ удовольствіе. Пріѣзжайте», заключилъ онъ, «на первый день».

Но на первый день предстояло много торжествъ въ Ивановскомъ, въ которыхъ я лично долженъ былъ участвовать.

— «Народу не понравится, если васъ не будетъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ заслуженныхъ людей, находившихся при мнѣ въ Марьинѣ, и я далъ слово къ Вильчинскому на другой день Пасхи.

Отправившись къ нему, я до такой степени оказался вѣрнымъ своему намѣренію, что возвратился въ Марьино только въ концѣ Ѳоминой недѣли, разъѣзжая все это время отъ одного помѣщика къ другому, въ видѣ плѣнника, котораго они положительно не выпускали изъ рукъ и удерживали постоянно на своихъ нескончаемыхъ праздникахъ.

Когда я пріѣхалъ къ Вильчинскому, я совершенно неожиданно нашелъ у него большое собраніе окрестныхъ помѣщиковъ. Тамъ былъ Н. А. Волжинъ, льговскій предводитель дворянства, старый кавалергардъ и порядочный кутила, съ его милою женою, на которой онъ былъ женатъ во второй разъ. Тамъ былъ Н. А. Стремоуховъ, впослѣдствіи бывшій курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Н. С. Денисьевъ, тогда еще молодой человѣкъ съ сѣдыми волосами, М. С. Деменковъ, братъ того Деменкова, который нѣкогда дивилъ міръ роскошью и великолѣпіемъ своей Подмосковной и многіе другіе. Все это были люди богатые, радушные и хлѣбосольные, такъ что еще не кончился обѣдъ, за которымъ мы всѣ усѣлись, какъ я буквально былъ осыпанъ приглашеніями: къ одному — на имянины, къ другому — на храмовой праздникъ, къ третьему — на рожденіе и т. п. Отъ

этихъ, во всякомъ случаѣ, любезныхъ приглашеній отказаться я не могъ или, лучше сказать, не умѣлъ, и подъ опекой Вильчинскаго, разъѣзжая изъ имѣнія въ имѣніе, убѣдился въ томъ «несказанномъ благополучіи», въ какомъ пребывали наши достаточные помѣщики.

III.

Бытъ помѣщичій былъ много разъ описанъ и я не надѣюсь прибавить отъ себя что-нибудь новое; но меня не могло не поражать это, можно сказать, царское изобиліе, которое я видѣлъ во всемъ. Васъ обыкновенно приглашали не на нѣсколько часовъ, но на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ васъ кормятъ, забавляютъ, укладываютъ спать, пробуждаютъ и опять кормятъ и забавляютъ. Довольство во всемъ безпримѣрное, прислуги бездна, экипажей и лошадей сколько угодно. У однихъ есть оркестры музыки, у другихъ—хоры пѣвчихъ, у третьихъ—псовыя охоты.

По своей натурѣ, чисто русской и значительно способной къ разгулу, я очень пришелся по вкусу туземнымъ помѣщикамъ и скоро сдѣлался закадычнымъ ихъ другомъ и пріятелемъ. Эта связь особенно укрѣпилась во время Коренной ярмарки, куда чрезъ мѣсяцъ или два отправился я по общему и единодушному ихъ настоянію.

Не знаю почему, но время этой ярмарки было всегда періодомъ самыхъ сильныхъ и разорительныхъ кутежей для курскихъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ старался сколотить сколько можно болѣе денегъ къ этому времени и отправлялся на ярмарку съ тугонабитыми карманами, для того, чтобъ тамъ опустошить ихъ и возвратиться домой безъ гроша. Мнѣ суждено было быть не только свидѣтелемъ этихъ явленій, но и дѣятельнымъ ихъ участникомъ. Я самъ, снабженный для дѣловыхъ расходовъ и своихъ потребностей значительнымъ запасомъ денегъ, на ярмаркѣ вынужденъ былъ растратить ихъ совершенно, и когда хотѣлъ въ кругу моихъ пріятелей сдѣлать какой-нибудь заемъ, оказалось, что и всѣ были въ такомъ же точно, какъ и я, положеніи. Цыгане въ особенности составляли разорительную статью. Съ наступленіемъ вечера всѣ сходились къ нимъ для того, чтобы сыпать деньгами. Кромѣ того, устраивались безпрерывно особые разорительные пиры.

Я помню, нашъ кружокъ, между прочимъ, затѣялъ дать ве-

ликолѣпный обѣдъ по подпискѣ въ 100 р. асс. съ каждаго, что въ то время составляло вовсе не маловажную сумму. На этотъ обѣдъ мы пригласили и губернатора, который далъ свое обѣщаніе. Разумѣется, цыгане составляли главную статью и были предметомъ много-различныхъ соображеній. Надобно сказать, что не задолго предъ тѣмъ, знаменитый хоръ знаменитаго Ильи, по какимъ-то внутреннимъ раздорамъ, распался на двое: лучшая часть, подъ командою извѣстнаго Ивана Васильева, отдѣлилась и составила особый и лучшій хоръ. Другая часть, руководимая Ильею, образовала другой хоръ, значительно слабѣйшій. Наши распорядители недоумѣвали, который изъ нихъ пригласить на нашъ обѣдъ. Одни находили невозможнымъ измѣнить старому другу Ильѣ, который потѣшалъ коренное общество многіе года. Другіе полагали, что существенная цѣль ихъ состоитъ въ устройствѣ хорошаго праздника, а не въ воздаяніи заслугъ чьихъ бы то ни было. Эта послѣдняя партія восторжествовала: приглашенъ былъ хоръ Ивана Васильева, а Илья долженъ былъ потерпѣть измѣну, тѣмъ болѣе для него чувствительную, что въ этотъ самый день съ нимъ случилось другое и, конечно, болѣе важное несчастіе. Утромъ онъ давалъ, съ своимъ хоромъ, концертъ въ зданіи ярмарки. Въ половинѣ концерта входитъ губернаторъ, которымъ тогда былъ Устимовичъ, человѣкъ, относительно говоря, довольно кроткій и обходительный. При входѣ губернатора рѣшительно всѣ мѣста оказались занятыми и онъ, не найдя мѣста, для него приготовленнаго, тотчасъ вышелъ и приказалъ объявить Ильѣ, чтобъ онъ въ тотъ же день выѣхалъ съ ярмарки. Конечно, тутъ была вина скорѣе полиціи, чѣмъ Ильи, но со стороны полицейскихъ не было никакого разсчета оправдывать въ этомъ смыслѣ Илью, который, такимъ образомъ, долженъ былъ пострадать невинно и котораго всѣ сожалѣли.

Съ наступленіемъ обѣда, все вниманіе присутствующихъ сосредоточилось на ожидаемомъ пріѣздѣ его превосходительства. Ожиданіе этого пріѣзда было чрезвычайно продолжительно и все-таки кончилось тѣмъ, что сѣли обѣдать безъ губернатора. Обѣдъ, разумѣется, былъ роскошный и веселый; вино лилось рѣкою, такъ что во второй половинѣ пошла шумная и веселая бесѣда, которую поджигали и которую сопровождали неистовыя

пѣсни цыганъ. Вдругъ, входитъ губернаторъ. Шумъ и разгулъ мгновенно стихъ и наступила не столько торжественная, сколько комическая тишина. Каждый старался принять сколь можно серьезное выраженіе, что стоило многимъ, едва-ли не каждому, большихъ усилій. Губернаторъ, въ короткихъ словахъ, извинился, что опоздалъ. Одинъ изъ главныхъ распорядителей нашихъ, Студзинскій,—тотъ самый Студзинскій, который потомъ учредилъ и содержалъ вольныя почты на московско-харьковскомъ трактѣ,—предпринялъ трудъ привѣтствовать губернатора рѣчью: «Ваше превосходительство», началъ онъ, «позвольте... мы такъ счастливы... словъ не нахожу».... Покамѣстъ онъ путался въ вступительныхъ словахъ своего привѣтствія, Волжинъ устранилъ его рукою, сказавъ: «постой, ты, братъ, не умѣешь; дай я скажу». Потомъ онъ началъ: «Ваше превосходительство! Мы васъ ждали... наши чувства... не сомнѣвайтесь»... и остановился. Въ эту минуту кто-то третій столкнулъ Волжина съ позиціи, сказавъ: «куда тебѣ» и едва только началъ «Ваше превосходительство», какъ губернаторъ, поставленный этою ораторскою борьбою въ самое комическое положеніе, прервалъ это положеніе словами: «Господа! Я не сомнѣваюсь въ вашихъ чувствахъ и благодарю за нихъ. Будемъ продолжать обѣдъ». Крики «ура»! завершили дѣло и обѣдъ, не смотря на неудачи нашихъ ораторовъ, которыми они сами и не думали огорчаться, пошелъ самымъ разгульнымъ и разорительнымъ образомъ. Разорительнымъ потому, что Студзинскій безпрерывно производилъ съ насъ поборы въ пользу цыганъ или, лучше сказать, въ пользу одной цыганки.

Въ то время особенно славилась и, дѣйствительно, восхищала публику цыганка Любаша. Дѣвушка эта, немножко косоглазая, имѣла въ себѣ много какого-то благородства и была симпатична въ высшей степени. Недостатокъ въ ея глазахъ не только не портилъ ее, но, напротивъ, придавалъ ей особую прелесть. Пѣла она превосходно и приводила въ неистовый восторгъ любителей. Какъ только бывало кончитъ она какую-нибудь пѣсню, то среди восторженной толпы, выражавшей свое восхищеніе криками, хлопаньемъ, появлялся Студзинскій и голосомъ, которымъ старался перекричать всѣхъ, возвѣщалъ: «Любашѣ по 100 р.». Волею или неволею, надо было раскошеливаться, потому что спрятаться было некуда, а вывазать при всѣхъ свою скупость или бѣдность

равно было тяжко для самолюбія. Впрочемъ, въ эту минуту общаго одурѣнія едва-ли кто-нибудь и могъ имѣть какіе-либо разсчеты и соображенія.

Съ постепеннымъ усиленіемъ общаго веселья и одушевленія, явилась мысль выпросить у губернатора прощеніе Ильѣ, вытребовать его хоръ немедленно на нашъ праздникъ и слить его, если не навсегда, то на этотъ моментъ, съ враждебнымъ хоромъ и наслушаться цыганскихъ пѣсенъ во всемъ ихъ великолѣпіи. Такъ и сдѣлалось. Губернаторъ не затруднился дать свое прощеніе, и наши кареты, посланныя за Ильею съ его компаніею, тотчасъ привезли его хоръ.

Трудно изобразить мѣру того восторга, который объялъ всѣхъ, когда эти два хора соединились и, подъ командою историческаго Ильи, грянули пѣсню... Я помню, какъ у самихъ цыганъ глаза горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ. Многіе изъ цыганъ увѣряли меня, что они чувствовали невыразимую радость, видя предъ собою Илью, этого идеала всѣхъ цыганъ. Нечего говорить, что обѣдомъ не кончился нашъ праздникъ и что обѣдъ былъ только началомъ нашего пиршества, которое могло кончиться единственно общимъ и полнымъ опьяненіемъ. Послѣ обѣда образовалось множество группъ, но самая шумная и многочисленная группа окружала прелестную Любашу, которая, помѣстившись въ уголку, съ гитарою въ рукахъ, была предметомъ общаго обожанія и общихъ просьбъ. Одинъ просилъ поцѣлуя, другой—пѣсни. Она ко всѣмъ была мила и благосклонна. Я помню, что гитара ея, наполняясь золотомъ и ассигнаціями, нѣсколько разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія, подъ наименованіемъ «уголковыхъ», у многихъ рѣшительно опустошили карманы и долго жили въ памяти курскихъ помѣщиковъ. Что касается до Любаши, то она великолѣпно заключила свою цыганскую карьеру, выйдя замужъ за кирасирскаго полковника, не то Огарева, не то Офросимова. Спустя много лѣтъ, я видѣлъ ее въ ложѣ московскаго театра барыней, окруженной двумя или тремя дѣтьми.....

IV.

Радушный кружокъ знакомыхъ образовался у меня между курскими помѣщиками—людьми, большею частію, порядочными и состоятельными—весьма значительный. Когда потомъ я еще нѣсколько

разъ пріѣзжалъ въ Ивановское, я находилъ тамъ такую же толпу друзей и пріятелей, какая у меня была и въ Петербургѣ. Приглашеніямъ не было конца и лѣто, которое я всегда избиралъ для моихъ поѣздокъ туда, пролетало быстро и великолѣпно. Но изъ всѣхъ праздниковъ, которые задавали тамошніе бояре, наибольшее впечатлѣніе оставили во мнѣ праздники М. С. Деменкова, и особенно ежегодный храмовой праздникъ 1-го октября. Праздникъ этотъ, независимо отъ барской роскоши, которою сопровождались всѣ его части, замѣчателенъ былъ еще тѣмъ, что съ этого дня Деменковъ открывалъ свою великолѣпную охоту, для чего съѣзжались къ нему не только окрестные охотники, но и охотники сосѣднихъ губерній съ своими людьми, лошадьми и собаками. Первый день, т. е., 1-е октября, отдавался обѣду и слѣдовавшему за нимъ балу. На другой день совершалась охота.

Я помню то неизъяснимое впечатлѣніе, которое производило на меня первое знакомство съ этою потѣхою, занимавшею столь видное мѣсто въ быту мирнаго благополучія нашихъ помѣщиковъ. У подъѣзда стояло множество приготовленныхъ экипажей, разнаго вида, которые должны были отвезти дамъ на мѣсто дѣйствія. Съ ними же помѣщались нѣкоторые пожилые люди, которые не желали принимать въ охотѣ болѣе дѣятельнаго участія. Съ другой стороны стояли осѣдланныя лошади, приготовленныя для мужчинъ въ такомъ числѣ, которое было бы достаточно для укомплектованія эскадрона кавалеріи. Послѣ роскошнаго завтрака все общество разсаживалось въ экипажи и на верховыхъ лошадей и двигалось къ избранному мѣсту. Затѣмъ двигались полки псарей, доѣзжачихъ и другихъ должностныхъ лицъ, окруженныхъ положительно стадами собакъ—гончихъ и борзыхъ. Для меня все это составляло сплошную и безразличную массу, но потомъ я узналъ, что все это раздѣлялось на партіи, изъ которыхъ каждая принадлежала тому или другому помѣщику, и что между этими партіями существовало стародавнее соперничество.

Когда прибывали на мѣсто, на избранномъ возвышеніи растилали ковры и усаживали дамъ, а охотники, съ борзыми собаками, оцѣпляли сбереженный для этого праздника островъ. Тутъ впервые я узналъ, что островомъ назывался не островъ дѣйствительно, а болѣе или менѣе обширная котловина, заросшая кустарниками. «Сберечь островъ» значило не охотиться въ немъ

до извѣстнаго дня, въ который и предполагалось найти тамъ болѣе обильную жатву. Когда островъ былъ оцѣпленъ, т. е., окруженъ охотниками, разставленными одинъ отъ другаго на извѣстномъ разстояніи, тогда давался знакъ «бросить гончихъ въ островъ». «Бросить гончихъ въ островъ»—значило спустить ихъ со своръ, вслѣдствіе чего, онѣ, какъ сумасшедшіе, бросались въ котловину, поощряемыя многоразличными восклицаніями спустившихся туда вслѣдъ за ними людей и хлопаньемъ бичей. Вскорѣ послѣ того, какъ гончія разсыпались по котловинѣ, раздавалось тявканье одной, потомъ—другой, третьей, и затѣмъ мгновенно вся котловина заливалась ихъ остервененнымъ лаемъ. Это значило, что гончія напали на слѣдъ звѣря и ринулись по этому слѣду, чтобъ, исполняя прямую свою обязанность, выгнать его изъ котловины и передать для дальнѣйшихъ распоряженій окружавшимъ ее борзымъ собакамъ. Для многихъ охотниковъ это завываньe гончихъ доставляло не только наслажденіе, но и вѣрныя свѣдѣнія о томъ, какого звѣря они преслѣдуютъ и гдѣ именно этотъ звѣрь выбѣжитъ изъ котловины.

Въ первый разъ я присоединился къ дамамъ, чтобъ видѣть общность охоты, и страшно удивлялся, когда при первыхъ тявканьяхъ гончихъ, раздавшихся въ чрезвычайно отдаленномъ разстояніи, одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, старый помѣщикъ и охотникъ, утвердительно сказалъ: «Гонятъ волка; онъ выбѣжитъ на насъ». И дѣйствительно, едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на опушкѣ кустарника, вблизи насъ, показалась огромная стая собакъ и впереди ея волкъ, удерживавшій ее въ почтительномъ положеніи. Волкъ тотчасъ скрылся опять въ кустарникахъ и, вѣроятно, и теперь здравствуетъ, къ великому посрамленію одного изъ записныхъ охотниковъ, Л. Н. Львова, милѣйшаго господина. Дѣло въ томъ, что Львовъ имѣлъ при себѣ двухъ собакъ, большихъ и длинношерстныхъ, которыхъ называлъ «волкодавами». Когда показался волкъ, я видѣлъ, какъ Львовъ спустилъ своихъ собакъ со своры, и они яростно кинулись къ промчавшейся предъ ними стаѣ, но мгновенно возвратились. Обстоятельство это для меня, какъ не спеціалиста, совершенно непонятное, возродило страшный споръ между охотниками. Всѣ безъ исключенія смѣялись надъ волкодавами Львова и утверждали, что они дали уйти волку; Львовъ горячо защищалъ своихъ собакъ и, между про-

чимъ, объяснялъ ихъ недѣятельность тѣмъ предположеніемъ, что это, по всей вѣроятности, былъ не волкъ, а какая-нибудь собака изъ непомнящихъ родства, и что не страхъ, но единственно презрѣніе руководило его волкодавами.

Впослѣдствіи я принималъ уже дѣятельное участіе въ самой охотѣ и быстро поддавался тому одурѣнію, которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыя минуты овладѣваетъ настоящими охотниками. Я садился на коня и бралъ свору борзыхъ собакъ. Меня становили на извѣстное мѣсто и я съ трепетомъ ожидалъ, что вотъ, вотъ подлѣ меня выскочитъ изъ котловины заяцъ. Сначала я спускалъ собакъ тогда, когда это было вовсе не нужно, т. е., когда заяцъ вылеталъ на отдаленномъ и недостижимомъ для моихъ собакъ разстояніи и подлежалъ попеченію другихъ охотниковъ, за что, разумѣется, наши старшины и начальники распекали меня порядочно. Но я скоро сталъ привыкать къ этому, въ существѣ не хитростному, дѣлу и впослѣдствіи лично былъ причиною погибели многихъ зайцевъ.

Впрочемъ, охота въ островахъ никогда не доставляла мнѣ такого наслажденія, какъ охота «въ наѣздку», которая производилась слѣдующимъ образомъ. Избиралось обширное засѣянное поле. Съ одной стороны этого поля вся толпа охотниковъ выравнивалась съ своими собаками въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи, что походило на стѣну съ большими просвѣтами. Стѣна эта двигается медленно и каждый охотникъ внимательно долженъ смотрѣть впередъ, чтобы не прозѣвать зайца, спрятавшагося въ кочкахъ, что составляетъ употребительный способъ спасенія у этихъ звѣрьковъ. Когда кому-нибудь изъ охотниковъ удавалось замѣтить зайца, укрывшагося за кочкой, онъ останавливался и кричалъ знаменитое «ату его!», что служило для всѣхъ сигналомъ приготовленія къ травлѣ. Вотъ этотъ-то моментъ и былъ для меня особенно хорошъ. Когда всѣ люди, лошади, собаки насторожатъ уши и будутъ готовы, чтобъ неистово и мгновенно броситься на несчастную жертву, тогда одинъ изъ охотниковъ приближается къ зайцу, чтобъ спугнуть его. Одного приближенія охотника мало для этого, часто надо хлопать арапникомъ надъ самымъ зайцемъ, чтобъ заставить его растаться съ своимъ ложемъ. Едва заяцъ выскочитъ въ поле, какъ въ тотъ же мигъ ринется за нимъ вся толпа охотниковъ и собакъ и нач-

нется самая безумная и самая отчаянная скачка, сопровождаемая самыми неистовыми криками. Часто случалось, что во время этой скачки выскакивало много другихъ зайцевъ, до которыхъ дѣло вовсе не касалось, и поле усѣявалось ими. Собаки разбрасывались въ разныя стороны, за ними летѣли охотники и все это, хотя и не имѣло блистательнаго результата, но представляло нѣчто въ родѣ хаоса, въ высшей степени оригинальнаго и увлекательнаго... Говоря объ этихъ охотахъ, я самъ сознаю, что, въ глазахъ опытныхъ охотниковъ, все это ничто иное, какъ дѣтскій лепетъ; но я и не думаю претендовать сказать что-нибудь новое собственно по этой части; моя цѣль заключается въ томъ, чтобъ выяснить мои личныя впечатлѣнія, связанныя съ этою забавою богатыхъ владѣльцевъ,—забавою, которая въ настоящее время почти повсюду и совершенно уничтожилась.

Само собою разумѣется, что послѣ охоты все общество возвращалось къ хлѣбосольному хозяину, снова обѣдало, танцовало, засыпало и просыпалось, чтобъ снова ѣсть, пить и веселиться... При такихъ обычаяхъ продолжительнаго пированья гости съѣзжались съ значительными запасами домашняго скарба. Мужчины имѣли при себѣ камердинеровъ со всѣми потребностями, къ которымъ они привыкли дома. Дамы привозили съ собой своихъ горничныхъ съ большимъ запасомъ гардероба, разсчитаннымъ на извѣстное число дней, которое каждый хотѣлъ тутъ провести. Людямъ женатымъ отводились особыя комнаты, приготовленныя самымъ комфортабельнымъ образомъ; холостые соединялись по два и по три въ одной комнатѣ, снабженной также всѣмъ нужнымъ. Три дня былъ самый кратчайшій срокъ, въ теченіе котораго каждый долженъ былъ оставаться и прежде котораго весьма трудно было выбраться, разумѣется, за исключеніемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Любители жили по недѣлѣ, по двѣ, въ ожиданіи другаго праздника у другаго помѣщика, куда и переѣзжали прямо.

У простаго народа образовалось особое мѣрило подобныхъ праздниковъ и именно по числу лошадей, на которыхъ пріѣхали гости.

— «У насъ, братъ, гости были на 600-хъ лошадяхъ», говорилъ крестьянинъ своему пріятелю изъ другаго имѣнія.

— «А у насъ, лѣтомъ, на Вознесенье, была безъ малаго цѣлая тысяча», отвѣчаетъ тотъ съ чувствомъ превосходства...

Весьма естественно, что, пируя на другихъ праздникахъ, я долженъ былъ дѣлать и свои праздники. Марьино представляло къ тому обильнѣйшія средства. Нѣтъ такой затѣи, которой нельзя было бы тамъ исполнить. Поэтическая мѣстность, роскошнѣйшее помѣщеніе, богатство матеріальныхъ средствъ всякаго рода, искусство мастеровыхъ по всѣмъ отраслямъ, — все это вмѣстѣ представляло обширное поле для самой затѣйливой фантазіи.

V.

Не должно, однако же, думать, что во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ туземнымъ міромъ я имѣлъ въ виду одну собственно веселую сторону. Напротивъ, тутъ была весьма серьезная и дѣловая сторона. Совершенно неопытный ни въ сельскомъ быту вообще, ни въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами мѣстной администраціи, я долженъ былъ искать сильныхъ связей, которыя бы подкрѣпляли меня и восполняли мою неопытность. Я видѣлъ, какъ на всѣхъ этихъ праздникахъ судьи, исправники, становые и другіе должностные люди имѣли замѣтную роль и какъ эти тароватые владѣльцы заигрывали съ ними и старались держаться съ ними на самой короткой и пріятельской ногѣ. Я знаю самыя невѣроятныя дѣла, которыя совершались этими господами. Я видѣлъ страшное могущество этихъ господъ, и потому, во слѣдъ другимъ, находилъ выгоднымъ брататься съ ними.

Я тутъ же могъ бы привести тысячи примѣровъ и доказательствъ, что мой разсчетъ былъ вѣренъ; но это завлекло бы меня такъ далеко впередъ, что мнѣ было бы еще труднѣе, чѣмъ теперь, возвратиться назадъ и возстановить сколько-нибудь послѣдовательность въ моихъ разсказахъ. Здѣсь замѣчу только, что одни укоры, которыми осыпали этихъ господъ, при всей ихъ справедливости, никогда не могли приносить существенной пользы. У насъ на Кавказѣ существовало такое убѣжденіе, что если переселить туземныхъ горцевъ на плоскость, они скоро сдѣлаются мирными, и наоборотъ, если водворить крестьянъ какой-нибудь Тамбовской губерніи въ горахъ, они обратятся въ хищниковъ и разбойниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что условія, въ которыхъ совершается дѣятельность каждаго человѣка, имѣютъ огромное влія-

ніе на свойство этой дѣятельности. Сфера, въ которой дѣйствуютъ или, по крайней мѣрѣ, въ мое время дѣйствовали всѣ эти исправники и становые, была виновата въ томъ, что эти господа дѣлали все, что хотѣли. Праздность, лѣнь, незнакомство съ дѣломъ, которымъ отличались, большею частію, наши помѣщики, открывали полный просторъ произволу полицейскихъ чиновниковъ. Можно-ли представить взяточника среди людей честныхъ, дѣловыхъ и развитыхъ? Но наши помѣщики, если и были честны, то ужъ нисколько не были дѣловиты. Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Вячеславъ Стремоуховъ, старый гвардеецъ и милѣйшій господинъ, былъ избранъ однажды попечителемъ сельскихъ магазиновъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Должность—вовсе не головоломная. Тѣмъ не менѣе, онъ скоро былъ смѣненъ за неумѣніе исполнить и эту должность. Относя это въ интригамъ, направленнымъ противъ него, онъ говорилъ мнѣ, что съ трудомъ развязался съ этимъ мѣстомъ.

— «Вообразите», говорилъ Стремоуховъ самымъ искреннимъ образомъ, «когда новый попечитель сталъ требовать сдачи дѣлъ, я и отдалъ ему всѣ дѣла, какія самъ принялъ, вмѣстѣ съ описью».

— «Не всѣ»—говоритъ.

Я говорю: «какъ не всѣ? у меня больше нѣтъ». Стали повѣрять, представьте: оказалось еще одно дѣло лишнее, а онъ говоритъ: «не всѣ!»

Конечно, такой оригинальный взглядъ, быть можетъ, составлялъ исключеніе, тѣмъ болѣе невозможное въ настоящее время, когда переворотъ крестьянскаго дѣла и мировыя учрежденія вызываютъ среди тѣхъ же владѣльцевъ отличныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Но въ то время, я говорю по опыту, всѣ или боялись дѣла, или не понимали его, или, наконецъ, не хотѣли тревожить свою барскую лѣнь и потому давали полный просторъ исправникамъ, становымъ и пр., выплачивая имъ постоянные оклады деньгами, хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями. По имѣнію князей Барятинскихъ также существовали оклады, и къ извѣстнымъ праздникамъ экономія отправляла возы съ пшеницей, овсомъ, крупой и т. п., назначенные въ приношеніе.

Говоря о моихъ поѣздкахъ въ имѣніе князей Барятинскихъ, я считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующее обстоятельство. Однажды, на переѣздѣ въ это имѣніе, мы съ женой пріѣхали въ

Курскъ и остановились въ лучшей гостинницѣ. Изъ сосѣдняго нумера до насъ доходили звуки скрипки и шумъ танцевъ. Когда мы спросили: «кто занимаетъ этотъ нумеръ?» Намъ отвѣчали: «Богдановъ съ дѣтьми изъ Москвы». Мы оставались въ Курскѣ нѣсколько дней и каждый вечеръ проводили у кого-нибудь изъ тамошнихъ нашихъ знакомыхъ. Почти на всѣхъ этихъ вечерахъ постоянно присутствовалъ Богдановъ съ дѣтьми, приглашенный за самую дешевую цѣну, чуть-ли не по пяти руб. асс. за вечеръ. Сынъ игралъ на скрипкѣ, а отецъ танцовалъ съ дочерью модную тогда польку. Дочь эта была тогда дѣвочкой лѣтъ 14-ти, и, конечно, ни ей самой, а тѣмъ менѣе курскимъ господамъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на бѣдную фиглярку, и въ голову не приходило, что впослѣдствіи эта дѣвочка будетъ знаменитой танцовщицей....

Сознаю, что мнѣ давно пора возвратиться назадъ и съ проселочныхъ дорогъ, по которымъ я такъ долго блуждалъ, выбраться на главную.... Во время перваго пребыванія моего въ Ивановскомъ, я велъ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ самую дѣятельную переписку. Въ маѣ 1843 года, прежде нежели я успѣлъ окончить предназначенные мною разные труды, которыми я хотѣлъ привести въ систему и упрочить хозяйственныя и административныя начала по внутреннему устройству и управленію имѣніемъ, я получилъ отъ князя письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: «Я перемѣнилъ намѣреніе отдать херсонское имѣніе князю Анатолію Ивановичу; устройство сего удѣла возьметъ много времени, а раздѣлъ брата не терпитъ отлагательства. Я рѣшился на покупку имѣнія, которое соотвѣтствуетъ моимъ и его видамъ, и для сего предмета посылаю вамъ довѣренность на исходатайствованіе свидѣтельства на залогъ 8 т. душъ, которое прошу, какъ можно скорѣе, мнѣ препроводить. Вамъ, я надѣюсь, поможетъ въ этомъ курскій губернаторъ, къ которому прилагаю письмо. Что касается до анатоліевскаго имѣнія, то князь Викторъ Ивановичъ проситъ меня уступить ему....».

Само собою разумѣется, что на этомъ порученіи я долженъ былъ сосредоточить всѣ мои заботы и старанія. Ознакомившись со всѣми узаконеніями по части свидѣтельствъ, заключающимися въ Сводѣ Законовъ, и взявъ съ собою одного изъ такъ назы-

ваемыхъ экономическихъ повѣренныхъ, наиболѣе опытнаго въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, я въ тотъ же день отправился въ Курскъ, отстоящій отъ Ивановскаго въ ста верстахъ. Дорога лежала чрезъ имѣніе Волжина, льговскаго предводителя, и я не могъ не заѣхать къ нему. По обыкновенію, я нашелъ у него толпу гостей. Когда я объявилъ имъ, куда и зачѣмъ ѣду, на меня посыпались со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и самыя зловѣщія предсказанія. Они утверждали, что изъ всѣхъ дѣлъ, которыя ставятъ помѣщиковъ въ сношенія съ мѣстной администраціей, нѣтъ ужаснѣе и разорительнѣе взятія свидѣтельства. Они утверждали, что расходъ по рублю съ души есть самая обычная и умѣренная подать, которую надо дать; что годовой срокъ есть обычный и умѣренный срокъ, въ теченіе котораго можно, наконецъ, получить въ руки свидѣтельство. На мое замѣчаніе объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору, къ которому я имѣлъ письмо отъ князя Барятинскаго, и къ предсѣдателю гражданской палаты, котораго я встрѣчалъ постоянно на всѣхъ дворянскихъ пирахъ, гдѣ съ нимъ и познакомился, они утверждали, что это ровно ничего не значитъ.

Предвѣщанія эти хотя и не могли произвести на меня благопріятнаго впечатлѣнія, но все-таки казались мнѣ черезъ-чуръ преувеличенными. Увы! но пріѣздѣ моемъ въ Курскъ, я скоро убѣдился, что въ нихъ много справедливаго. Губернаторъ и предводитель приняли меня отлично, вѣжливо, изъявили готовность сдѣлать все къ полному моему удовольствію и дали соотвѣтственныя приказанія подчиненнымъ. Но когда я обратился къ этимъ подчиненнымъ, меня буквально обдало холодомъ. Я мгновенно убѣдился въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что дѣло совершенно въ ихъ рукахъ, и, во-вторыхъ, что тутъ безъ денегъ ничего не сдѣлаешь, не смотря ни на какія отношенія.... Я не имѣлъ ни охоты, ни умѣнія спуститься въ это грязное болото и, предоставивъ моему довѣренному заключать тамъ всевозможные торги, условія и сдѣлки, оставилъ за собою, такъ сказать, высшее покровительство и право утвержденія. Когда сдѣлки были сдѣланы, задатки даны — дѣло закипѣло и тотчасъ были посланы вопросы едва-ли не во всѣ концы земнаго шара. Намъ вручили кучу бумагъ съ такими же вопросами уѣзднымъ мѣстамъ и лицамъ.

Здѣсь я не могу не привести, руководствуясь опытомъ, паралели между закономъ и его исполненіемъ. Законъ требуетъ, чтобы при выдачѣ свидѣтельства обнаружено было положительно, въ чемъ именно состоитъ имѣніе, на которое испрашивается это свидѣтельство; для этого требуется удостовѣреніе сосѣднихъ помѣщиковъ, какъ лучшее обезпеченіе дѣйствительности дѣла. Это самая главная и существенная часть дѣла, и о ней-то именно я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Другія части, какъ напримѣръ, собраніе свѣдѣній о долгахъ, казенныхъ недоимкахъ, тяжбахъ, не представляютъ особеннаго интереса, за исключеніемъ того, что всѣ отвѣты на сдѣланные, въ этомъ отношеніи, вопросы должны быть непремѣнно оплачиваемы, иначе они не будутъ сдѣланы до втораго пришествія. Изслѣдованіе въ чемъ именно состоитъ имѣніе и собраніе всѣхъ относящихся сюда свѣдѣній и удостовѣреній возложено было на исправниковъ, а отъ нихъ, разумѣется, перешло къ становымъ.

По разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ и особенно для того, чтобы не препятствовать переселенію курскихъ крестьянъ въ херсонское имѣніе, я нашелъ полезнымъ, не закладывая селеній и деревень въ полномъ ихъ составѣ, подвергнуть, изъ каждаго селенія или каждой деревни, залогу извѣстную часть крестьянъ, а другую — оставить свободною. Такимъ образомъ, пришлось брать свидѣтельство на селенія и деревни, расположенныя въ трехъ уѣздахъ: Льговскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ и, слѣдовательно, попасть въ лапы тремъ исправникамъ и цѣлой толпѣ становыхъ. Тутъ-то я и убѣдился, съ одной стороны, въ вѣрности разсчета, по которому я сдѣлался пріятелемъ всѣхъ этихъ господъ, а съ другой — въ страшномъ ихъ могуществѣ. Въ два уѣзда, Льговскій и Путивльскій, я послалъ моихъ экономическихъ повѣренныхъ съ любезными письмами, къ кому слѣдовало, а въ Рыльскомъ, изъ котораго закладывалась наибольшая часть крестьянъ, самъ наблюдалъ за ходомъ этого дѣла. Ходъ этотъ начался съ того, что сама экономія составила подробное и, разумѣется, сколь можно, блестящее описаніе закладываемаго имѣнія. Можно было полагать, что для удостовѣренія этого описанія нужно было обращаться съ просьбами къ дѣйствительнымъ и состоятельнымъ окрестнымъ помѣщикамъ. Ни чуть не бывало. Становой призналъ это совершенно ненужнымъ

и при мнѣ далъ сотскому приказъ, чтобы на другой день собрано было извѣстное число дворянъ. Я страшно удивился и не понималъ, въ чемъ дѣло.

На слѣдующее утро, когда я вышелъ къ своимъ бурмистрамъ и крестьянамъ, я замѣтилъ между ними нѣсколько лицъ, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ. На мой вопросъ: кто они и что имъ надо? они отвѣчали, что они—дворяне и пришли по требованію становаго. Когда становой вышелъ вслѣдъ за мной, они, стоя безъ шапокъ, выслушали его приказаніе и затѣмъ удостовѣрили, своими безобразными подписями, правительство, что у ихъ сосѣда, князя Барятинскаго, дѣйствительно все то есть, что въ описаніи изложено. Этимъ добрымъ сосѣдямъ поднесли по чаркѣ водки и отпустили ихъ, а подписанная ими бумага, которой они не читали и, быть можетъ, не въ состояніи были бы прочесть при соединенныхъ усиліяхъ въ теченіе цѣлой недѣли, сдѣлалась актомъ, обезпечивающимъ милліонную ссуду. Такъ было и по другимъ уѣздамъ.

Чтобы объяснить, какую силу находили полицейскіе чины въ этихъ дворянахъ и вообще въ такъ-называемыхъ окрестныхъ жителяхъ, приведу слѣдующій фактъ. По сосѣдству съ имѣніемъ Барятинскихъ, водворился гдѣ-то въ Путивльскомъ уѣздѣ какой-то выгнанный землемѣръ Z*** и скоро стяжалъ громадную славу своимъ сутяжничествомъ. Много ходило разсказовъ о томъ, какъ онъ у того оттягалъ покосы, у этого — лѣсъ, а у этого — и все имѣніе. Большая и могущественная экономія Барятинскихъ равнодушно выслушивала эти разсказы и съ презрѣніемъ смотрѣла на ничтожнаго сутягу. Этотъ ничтожный сутяга подалъ однажды въ путивльскій земскій судъ жалобу на то, что крестьяне Барятинскихъ запахали у него полдесятины. Экономія не обратила на эту придирку никакого вниманія. Между тѣмъ, для разрѣшенія спорнаго вопроса потребованы отъ нея планы. Плановъ не оказалось, что, вѣроятно, и пронюхалъ Z***. Земскому суду оставалось поручить одному изъ становыхъ разрѣшить вопросъ на основаніи показаній окрестныхъ жителей. Z*** того только и нужно было. Когда становой пріѣхалъ на мѣсто и собраны были толпы окрестныхъ жителей, началось всеобщее и страшное пьянство, разумѣется, на счетъ Z***. Пьяному народу давали подписывать, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, все, что хотѣли. Кончилось

тѣмъ, что, на основаніи этихъ пресловутыхъ показаній окрестныхъ жителей, пьяный становой отдалъ Z*** не полъдесятины только, которыхъ тотъ первоначально требовалъ, а всю дачу, къ которой эта полудесятина принадлежала и которая заключала въ себѣ отъ 2-хъ до 3-хъ т. десятинъ. Тогда только экономія увидѣла, что это дѣло вовсе не шуточное и начала дѣйствовать. Но дѣйствія ея не могли уже уничтожить злохитростной продѣлки Z***. Разумѣется, по ходатайству экономіи, земскій судъ уничтожилъ беззаконное распоряженіе своего становаго, осыпавъ его выговорами и замѣчаніями; но Z*** перенесъ дѣло въ уѣздный судъ, гдѣ и выигралъ его. Экономія жаловалась гражданской палатѣ, которая рѣшила снова въ пользу Барятинскихъ. Z***, сѣвъ въ допотопную одноколку и одѣвшись нищимъ, поѣхалъ въ Москву и принесъ сенату жалобу, что онъ разоренъ Барятинскими, въ чемъ увѣрялъ и сенаторовъ, обивая у нихъ пороги. Въ этомъ положеніи дѣло перешло на мое попеченіе и я долженъ былъ употребить и много хлопотъ, и много расходовъ, чтобъ затушить его и отбиться отъ этого крючкотворца.

Впрочемъ, это не единственный примѣръ. Въ то время эти примѣры были и въ другихъ губерніяхъ. Какой-нибудь выгнанный изъ службы сутяга покупалъ гдѣ-нибудь нѣсколько десятинъ, и, водворясь на нихъ, какъ гнусный паукъ, раскидывалъ сѣти, въ которыхъ онъ и запутывалъ неопытныхъ сосѣдей. При отсутствіи всякихъ дѣловыхъ знаній въ средѣ сельскихъ владѣльцевъ, при темнотѣ межевыхъ узаконеній и, наконецъ, при неясности поземельныхъ владѣній, подобный промыселъ былъ въ то время весьма выгоднымъ.

Къ счастію, все это было, да прошло, и подобныя явленія въ настоящее время невозможны.....

В. А. Инсарскій.